

Алексей Будищев

Дикарь

Алексей Николаевич Будищев

Дикарь

Аннотация

«Темнело; читать без свечей становилось затруднительным, а зажигать огни не хотелось. Самбурову стало скучно. Он надел черную войлочную шляпу, взял ружье и вышел из избы. Он прошел селом, обогнул гумна и направился было к озеру, где часто садились, возвращаясь с просов, утки; ему хотелось развлечься охотой, но на дороге он передумал и свернул по направлению к усадьбе Кастрицыной...»

Алексей Будищев

Дикарь

Темнело; читать без свечей становилось затруднительным, а зажигать огни не хотелось. Самбурову стало скучно. Он надел черную войлочную шляпу, взял ружье и вышел из избы. Он прошел селом, обогнул гумна и направился было к озеру, где часто садились, возвращаясь с просов, утки; ему хотелось развлечься охотой, но на дороге он передумал и свернул по направлению к усадьбе Кастрицыной.

Дмитрий Сергеевич (Самбулова зовут Дмитрием Сергеевичем) совсем молодой человек, невысокий, но кряжистый; у него бледное худощавое лицо; его темные глаза глядят недружелюбно, и в минуты гнева в них загораются волчьи огоньки; его рыжеватые волосы коротко подстрижены, а темные брови порою как-то перекашиваются, что придает лицу тоскующее выражение, какое бывает у человека, одержимого мучительным и неизлечимым недугом. Самбуров два года тому назад ушел со второго курса естественного факультета и отправился сельским учителем в глубокую провинцию, удивив этим всех своих товарищей и знакомых, хотя там и считали его человеком диким, решительным и необузданным.

Самбуров шел полем. Был вечер; солнце уже скрылось за холмом, и поле наполнялось прохладой; высокая рожь

шуршала созревающими колосьями; розовые облака бежали по небу, легкие и прозрачные, прорываясь, как папиросная бумага; над синей рекой, потемневшей уже около берегов, вставал туман, но звезды еще не загорались. Самбуров шел к усадьбе Кастрицыной и думал: «Увижу ли я Анну Николаевну? Выйдет ли она ко мне?» Его томило сомнение; он нервно пощипывал маленькие усики и сшибал прикладом ружья придорожные лопухи.

Дмитрий Сергеевич знаком с Анной Николаевной всего три месяца, но, тем не менее, она завладела всем его существом, и он не в силах стряхнуть её иго.

Да, не в силах. Это своего рода болезнь; образ молодой женщины преследует его всюду. Он закрывает глаза и видит её лицо; он прислушивается к шуму полей и слышит её шепот; он спит и ласкает ее, во сне. Эта пытка ужасная и нестерпимая; так больше продолжаться не может.

«Надо выяснить наши отношения», подумал Самбуров, и его брови точно судорога перекосила. «Чего выяснять, – ответил он сам себе мысленно, – ясно, что она меня больше не любит. Теперь она всюду ездит с Тумановым».

Самбуров вздохнул; он уже приближался к усадьбе Кастрицыной. В поле темнело; рожь шумела тише; ярко окрашенные зарею тучки темнели, как увядающие цветы; трава искрилась росой; в небе загорались звезды. Усадьбы еще не было видно: она пряталась за невысоким холмиком, но уже давала о себе знать: со стороны холма тянуло дымком,

и раздавалось мычанье теленка; там гоготали гуси, и пронзительно вскрикивал павлин. Бабий голос, сердитый и скрипучий, как немазаное колесо, настойчиво звал, очевидно, купавшегося Митьку, называл его паршивцем и сулил спустить с него три шкуры.

Сердце Самбурова мучительно заныло. Хорошенькое личико Анны Николаевны преследовало его воображение, и он думал: «Она меня не примет, опять скажет, что нездорова. Поиграла и будет!»

Самбуров поспешно метнулся во ржи. Он увидел Анну Николаевну и Туманова: они ехали в шарабане навстречу Самбурову. Анна Николаевна, полная и эффектная брюнетка с выпуклыми бровями и яркими губами, правила, натянув пунцовые вожжи.

Туманов, белокурый и изящный мужчина, в серой паре и серо-стальном цилиндре, обнимал молодую женщину, улыбался и что-то говорил. Самбуров видел, как сверкали из-под усов его белые зубы. Караковая лошадь семенила задом и бойко выбивала ногами. Шарабан пронесся мимо Самбурова; на него пахнуло запахом сильных духов.

– Чувству приказывать нельзя, – услышал он голос Туманова, – чувство – это молния...

Самбуров больше ничего не мог расслышать; шарабан летел как птица, и лошадь сильно била ногами. Он выглянул из ржи. Шарабан был уже далеко; металлическая пряжка на шляпке Анны Николаевны мерцала как огонек. Самбуров

посмотрел ей вслед, побледнел, улыбнулся и пошел по направлению к усадьбе. Он решил где-нибудь дождаться её возвращения и переговорить с нею. «Интересно знать, – подумал Самбуrow, – как она объяснит свое поведение?»

Самбуrow смотрел вдаль. Богатая усадьба Кастрицыной выглянула из-за высокого холмика многочисленными постройками. Зеленый сад, густой и обширный, курчавился за хорошеньким домиком в русском стиле. Круглый пруд, как зеркало, сверкал среди сада. За садом темнели заросли густого бурьяна; там прячутся ужи, и вьют свои гнезда малиновки; порою там, крадучись, несут свои яйца и глупые индейки. За бурьяном вилась лента пыльной дороги. А дальше голубая река несла тихие волны. Навстречу Самбуrowу шла баба, худая и жилистая, с сердитыми глазами и коричневыми руками; она вела за ухо пузатого мальчонку с льняными волосами, рвала порою его мокрые вихры и шлепала по посконным штанишкам, мальчонка сопел носом, поправлял штанишки и невозмутимо рассказывал, как Ванька стряпухин нашел в стрижином гнезде рака.

– Вот какой лак, – картавил тот, показывая руками величину рака.

Самбуrow спустился в овраг и сел на камень под старой дуплистой ветлою; на ветле ворковала горlinkа и чирикал воробей. Самбуrowу была видна отсюда узкая дорожка, выбегавшая из поля, и он мог наблюдать, когда Анна Николаевна возвратится с прогулки. Но ждать ему пришлось недолго;

скоро металлическая пряжка на шляпке Анны Николаевны замерцала над зеленою рожью, как светящая бабочка. Туманов все также обнимал молодую женщину и что-то рассказывал ей; серебристая пена покрывала бока караковой лошади. Шарaban скрылся в воротах. Самбуров переждал еще несколько минут и затем направился к усадьбе.

Анна Николаевна Кастрицына – молоденькая вдовушка, она постоянно живет в Петербурге и приезжает в деревню только месяца на три, на четыре ранней весной. Так было и в этот год. Случайно Анна Николаевна познакомилась с Самбуровым в лесу на прогулке, познакомилась и стала заметно кокетничать с ним. Она постоянно приглашала его к себе, сама заезжала к нему, каталась с ним на лодке и верхом, училась у него петь малороссийские песни. Она говорила, что в нем есть что-то сильное и привлекательное, и называла его милым дикарем, неукротимым зулусом, упрямым пролетарием. Одним словом, через месяц Самбуров был влюблен в молодую женщину без памяти и хорошо знал, как пройти садом к окошку её спальни. Еще через месяц приехал из Петербурга адвокат Туманов, и однажды вечером Анна Николаевна не приняла Самбурова, сказавшись больной, а на днях она прислала ему записку следующего содержания: «Нам нужно видеться как можно реже, чтобы не возбуждать о себе толков. Что делать? я женщина и дорожу своей репутацией. Когда можно будет увидеться, сообщу письмом. Без письма не приходите. Ваша». Письмо было написа-

но на пишущей машинке и подписи не было. Это письмо взорвало Самбунова. «Аристократка! – подумал он, – не подписалась; точно стыдится сознаться в своем чувстве ко мне!» Он изорвал эту записку в клочки и истоптал ногами.

После этого Анна Николаевна не писала Самбунову ни строки.

Самбунов подошел к саду и посмотрел сквозь изгородь. В одной из аллей он увидел Анну Николаевну, гуляющую с Тумановым. Тот что-то рассказывал ей и, улыбаясь, целовал ей шею.

– Чувству приказывать нельзя, – слышал Самбунов его голос; – чувство это...

У Самбунова помутилось в глазах и зашумело в ушах: он отшатнулся от изгороди и тихо пошел вдоль сада.

«Что это, – думал он про Туманова, – он твердит все одно и то же, как попугай!»

У ворот усадьбы Дмитрий Сергеевич увидел горничную Анны Николаевны и подошел к ней. Та улыбнулась ему навстречу.

– Совсем вы нас позабыли, барин!

Самбунов сердито сверкнул глазами. Ему показалось, что горничная издевается над ним. «Баринот зовот, – подумал он – а сама смеется!»

– Вот что, Наташа, – сказал он, сердито хмуря брови, – вызови как-нибудь барыню, скажи, что я желаю ее видеть непременно. Я буду ждать ее за садом, у речки. – Он еще

что-то хотел добавить, но махнул рукою и пошел по направлению к речке. Горничная подумала: «Ишь глазищами ровно волк сияет!» и исчезла в воротах, шурша накрахмаленными юбками.

Самбуров сидел на круче; под его ногами тихо плескалась голубая, затканная звездами, речка. А он смотрел на голубые волны тоскующими глазами и думал: «Она меня не любит; не любит и никогда не любила; я был для неё барской прихотью, капризом. Она целуется с другим, когда у меня на губах еще не остыли её поцелуи. Я избегал её, и она меня стала преследовать; теперь я преследую ее, и она меня избегает. Я не прощу ей этого ни за что: Я не прощу ей, не прощу, не прощу! – будто все кричало в нем. – Она сама позвала меня за собою и насильно вторглась в мою жизнь, так пусть же и расквитывается за это!»

– Баре! – прошептал Самбуров, – они привыкли ценить человеческую личность в грош!

Сердцем Самбурава овладело бешенство. Внезапно ему вспомнилось, как кучер Прохор бил свою любовницу, приравновав ее к какому-то парню; он бил ее сапогами и кнутом И порвал на ней все платье. Самбуров вспомнил, как Прохор во время истязания сладострастно зажмуривал глаза, и подумал: «Может быть, это его успокоило». Самбуров представил себе Анну Николаевну избитую и в изорванном платье, но ему стало гадко и стыдно.

Самбуров вздрогнул и обернулся. Перед ним стояла Анна

Николаевна, красивая и оживленная, сияя своими чудными глазами. Он подошел и взял её руки. Она увидела ружье, лежавшее у его ног на песке, и слегка побледнела. «От этого зулуса можно ожидать всего!» подумала она, и легкий озноб прошел по её телу. Но она оправилась и ласково поздоровалась с Самбуровым. Запах сильных духов отделялся от её платья и ударил тому в голову как крепкое вино. Когда-то он проводил у этой женщины дни и ночи и сам пропитывался запахом этих духов. А теперь? Самбуров стиснул её руки и заглянул ей в глаза глубоко, глубоко, точно пытаюсь разгадать душу молодой женщины; но глаза не выдавали тайны, они улыбались. Самбуров и Анна Николаевна молча смотрели друг на друга. Стая диких уток со свистом пронеслась над ними и шлепнулась где-то близко, разбив речное зеркало. Из лугов донеслась унылая песня косца и точно разбудила Самбунова; он наклонился к лицу Анны Николаевны и с трудом переводя дыхание спросил:

– Скажите откровенно – любите ли вы меня? Не бойтесь ничего, не жалейте меня и говорите правду Я прощу вам все, – слышите ли? – все, кроме лжи... Он хотел говорить еще, но спазмы давили его горло. Анна Николаевна обласкала его глазами.

– Я вас люблю, но только видите ли...

– Вы лжете! – вырвалось у Самбунова. Анна Николаевна побледнела; легкий озноб снова прошел по её телу. Она увидела, что он весь дрожит, как напуганная лошадь.

– Милый, успокойся! Я люблю тебя, и мы снова увидимся дня через три, через четыре... – сказала она, стараясь придать своему голосу как можно больше спокойствия, – как-нибудь... теперь невозможно... – Она протянула руку, желая приласкать Дмитрия Сергеевича.

Самбуров поймал эту руку, кинул ее от себя прочь и бешено крикнул:

– Вы лжете! несколько минут тому назад вы целовались с Тумановым!

Анна Николаевна вспыхнула. Глаза её упрямо сверкнули.

– Нет, не лгу! (Она повысила голос.) Я никогда не лгу!

– Лжете! – крикнул Самбуров и позеленел. – Я видел это своими глазами; вы целовались с Тумановым! – Самбуров стал стискивать её руки. Ему снова припомнилась избитая любовница Прохора, и глаза его загорелись бешенством.

– Сознайтесь, пока не поздно! Я прощу вас! – кричал он, не выпуская её руки.

– Неправда! – крикнула Анна Николаевна, сердито сводя брови. – Вам это показалось! Мне не для чего лгать вам: я не боюсь вас и не признаю над собой вашей власти, я ничего не обещала вам и ничем вам не обязана! – Анну Николаевну раздражала настойчивость Самбурава, и она не хотела сдаваться! Она тряслась всем телом и кричала:

– Я ничем не обязана вам и не лгу; лгут только трусы!..

– А я, – крикнул Самбуров, – многим обязан вам! Обязан, обязан! Вы вторглись в мою жизнь; вы играли мной, как иг-

рушкой, как рабом!.. – Он совсем задыхался; его сердцу стало тесно в груди, и это производило нестерпимую боль; в его глазах загорелись волчьи огоньки. Он все бешенее стискивал руки молодой женщины. Золотой браслет скатился с руки Анны Николаевны. Самбуров увидел его и вспомнил тот вечер, когда он до крови оцарапал себе губы этим самым браслетом. Это было так недавно. Грудь Самбурова задрожала от злобы, и он закричал, наклоняясь к лицу молодой женщины:

– Я требую от вас одного; я хочу идти с вами в сад и целовать вас при господине Туманове. Слышите? – завопил он уже совсем дико. Анна Николаевна задергала плечами, пытаясь высвободить руки.

– Этого никогда не будет, никогда, никогда!..

– Нет, будет! – кричал Самбуров, силясь увлечь ее по направлению к саду, – лгунов выводят на чистую воду...

– Не будет, – кричала молодая женщина, корчась от боли, – не будет! Вы – гадкий дикарь, вы не умеете держать себя с порядочными женщинами!

Самбуров опустил руки Анны Николаевны; перед ним стоял Туманов, прибежавший на крик. Он что-то говорил, но Самбуров не понимал его слов. Он видел только, что Туманов замахнулся тростью, и его сердце толкнулось вон из груди. Самбуров с криком нагнулся к ружью. Туманов увидел это и побелел, как полотно. Его сердцу стало холодно от наполнившего его ужаса, но он уже не мог остановить дви-

жение своей руки. Его трость опустилась и сшибла с Самбу-рова шляпу.

Самбуров с перекосившимся лицом вскинул ружье. Анна Николаевна с визгом метнулась в сторону. Грохнул выстрел.

Туманов без крика, как сноп, ткнулся изуродованным лицом в землю.